TARTU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
Alustatud 1893.a. VIHIK 883 ВЫПУСК Основаны в 1893.г.

ПУТИ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературоведение

Труды по русской и славянской филологии

ТАРТУ 1990

ТРИ РОМАНА

П.С. Рейфман

Предлагаемая читателям заметка является как бы вступлением к подготовленной автором сопоставительной статье о романах Н.Г. Чернышевского "Что делать?" и Ф.М. Достоевского "Преступление и наказание". Сравнивая эти произведения надо, в сущности, говорить не только о них, но и о романе И.С.Тургенева "Отцы и дети". Все они, пожалуй, наиболее ярко отразили литературно-общественную борьбу 1860-х годов, являясь ключевыми произведениями этой борьбы. Они тесно связаны друг с другом, и каждый из последующих включал в себя полемические тенденции в отношении предыдущего[1]. Конечно, было бы нелепо сводить содержание анализируемых романов к таким тенденциям, но и упускать их из виду тоже нельзя.

По сути дела, полемика началась ранее, с конца 1850-х годов, до появления "Отцов и детей". Оценивая произведения Тургенева, "Рудина", "Асю" и др., Чернышевский выражал сомнение, что "лишний человек" сможет ответить на вопрос "что делать?", решить задачи, стоящие перед страной. Такой вопрос поставил сам Тургенев, в ряде произведений, в частности в "Рудине". Его задает герою Наталья во время свидания у Авдюхина пруда; "Что вы теперь намерены делать?", "что нам надобно теперь делать?" - спрашивает она, на что Рудин может лишь ответить: "Разумеется, покориться"[2]. Чернышевский в статье "Русский человек на rendez-vous", приводя эти слова Натальи и Рудина, делал вывод, что несостоятельность последнего на любовном свидании - следствие его общей несостоятельности, определяемой социальными причинами. Возможность решения важных для России задач Чернышевский связывал с появлением новых людей, разночинцев, которые все могут сделать, и даже на свидании будет вести себя иначе, чем "лишние люди" (об этом в статье прямо не говорилось, но подразумевалось).

Тургенев был во многом согласен с подобными выводами. В романе "Накануне" он давал свой вариант "нового человека", Инсарова, который, между прочим, не спасовал и на rendez-vous.

Правда, уже здесь писатель указывает и на некоторую пря-

молинейность Инсарова. Вспомним два скульптурных портрета, сделанных Шубиным[3].

Добролюбов откликнулся на роман "Накануне" статьей "Когда же придет настоящий день?". Высоко оценив творчество Тургенева и его новый роман, Добролюбов истолковывал образ Инсарова в революционно-демократическом ключе, во многом расходясь с Тургеневым в оценке его героя, осторожно высказывая сомнение в том, что автору "Накануне" под силу правдиво изобразить "нового человека" в деле, что он "и не в состоянии" это сделать[4]. Да и не только в деле: "Его ⟨Инсарова - П.Р.⟩ внутренний мир недоступен нам ⟨...⟩ Даже любовь его к Елене остается для нас не вполне раскрытою"[5].

Тургенев же считает, что революционные демократы, для которых "новый человек" - "свой", хорошо знакомый, все-таки слишком упрощенно представляют себе его, как некую положительную схему, нечто, лишенное всяких противоречий, легко решающее все возникающие перед ним проблемы, не способные "пропустить благоприятную минуту"[6], и тогда, когда речь идет об общем деле, и тогда - когда о личном, об отношениях между мужчиной и женщиной.

Тургенев видел, правда, что и в реальной жизни определенному типу "новых людей" свойственна некоторая прямолинейность, но полагал, что в действительности "новый человек" все же не такой схематичный, как это представляется Чернышевскому. У последнего, по мысли Тургенева, получается слишком уж все просто, хотя на самом деле все обстоит не совсем так.

Образ русского Инсарова-Базарова, помимо прочего, явился как бы тургеневским ответом на упреки Чернышевского и Добролюбова: вот вам "новый человек" со всем его "нутром"; ему тоже нелегко; с ним тоже отнюдь не все благополучно; и он не выдерживает, как и "лишний", испытания на свидании, оказывается сложнее и трагичнее, но и богаче, чем вам представляется.

Роман "Отцы и дети" не являлся "антинигилистическим", хотя его истолковали в таком духе деятели и революционного, и реакционного лагерей в 1860-е годы, да и не только в 1860-е[7]. Но полемические тенденции, отголоски спора с Чернышевским в нем отчетливо ощущаются. При всей своей силе и действенности, Базаров - фигура трагическая; он вовсе не победитель, и гибель его не случайна. Он несомненно ближе народу, чем кто-либо из "отцов", и с гордостью говорит, что

дед его землю пахал. Но народ и для Базарова во многом чужд, как и Базаров для народа. Мужик говорит о Базарове: "Так, болтал кое-что; язык почесать захотелось. Известно, барин; разве он что понимает?"[8].

Во время же "свидания" "натура" Базарова, глубокая, естественная, полная жизни, вступает в конфликт с его теорией, абстрактной, схематичной. Последняя отвергает всякий "романтизм", сводит отношения между мужчиной и женщиной к физиологии, отвергает любовь "в смысле идеальном": хотя Базаров вскоре начинает понимать, что от Одинцовой "не добьешься толку", но и "отвернуться от нее он, к изумлению своему, не имел сил"[9]. Все на "свидании" оказывается сложнее, чем по теории, все оказывается не так просто и в других сферах жизни. Трагедия определяется тем, что Базаров пытается ломать себя во имя теории ("самолом"), и ни к чему хорошему такое самоломание, по Тургеневу, привести не может.

Несостоятельность Базарова на свидании как будто не должна была бы ставиться в упрек Чернышевскому: его уж никак нельзя обвинять в том, что он сводил любовь лишь к физиологии; позднее, в романе "Что делать?", нарисована такая "идеальность", что даже "отцам" не снилась. Тургенев прав в другом: он верно уловил теоретичность, абстрактность представлений Чернышевского в сфере "женского вопроса". И в полемике по этому поводу, защищая сложность "нового человека", Тургенев ближе к жизни, чем Чернышевский. Полемичность "Отцов и детей" заключалась не в карикатуре, тем более не в пасквиле, не в сатирической обрисовке Ситникова и Кукшиной, а в глубоких и грустных раздумьях о сущности и положении нового человека.

Роман Чернышевского "Что делать?" продолжал полемику, хотя, как и в других случаях, к ней не сводился. Чернышевский не принял Базарова и продолжал настаивать на своем варианте "нового человека", как ему казалось наиболее правдивом, близком жизни, как раз на том варианте, который только что отвергал Тургенев.

Сюжетная ситуация "Что делать?" в значительной степени ориентирована на литературную традицию, русскую и зарубежную. Вполне сознательно Чернышевский сопоставляет свое произведение с романом Герцена "Кто виноват?", начиная от названия, поставленного в форме вопроса, и кончая содержанием, соотношением персонажей. Но у него, в отличие от Герцена, любовный треугольник, где все несчастны и нет выхода, легко

превращается в квадрат из двух счастливых пар. Ведь речь идет о "новых людях", а не о каких-нибудь Бельтовых и Круциферских, и этим "новым людям" не столь уж сложно решить и более важные проблемы, чем любовные.

Книга Чернышевского ориентирована и на роман Жорж Санд "Жак". С последним автор "Что делать?" познакомился еще в студенческие времена, в 1849-м году[10]. Тогда он был очень увлечен Санд: "сильный, великий, увлекательный, поражающий душу писатель, эта Жорж Занд: все ее сочинения должно перечитать"[11]. Он даже пытается срисовать ее портрет[12]. О Санд неоднократно упоминается в "Что делать?", и даже Рахметов "прочел с наслаждением" два ее романа[13]. Правда, к этому времени Чернышевский относится к Санд гораздо менее восторженно. Поэтому Рахметов, прочтя два романа и просмотрев третий, считает, что больше ничего нового у нее не найдет: "больше читать нужно"[14].

Ситуация, изображенная в "Жаке", тоже перекликается с сюжетом "Что делать?": герой, чтобы не мешать счастью жены, Фернанды, полюбившей Октава, кончает жизнь самоубийством, симулируя несчастный случай в горах. В предсмертном письме, адресованном Сильвии, он пытается оправдать влюбленных, их эгоизм: "Не проклинай двух любовников, которым пойдет на пользу моя смерть. Они не виноваты, они любят друг друга <...> Эти двое погрязли в эгоизме, но ведь эгоизм, пожалуй, ценное качество. У кого нет эгоизма, тот не приносит пользы ни себе самому, ни другим. Кто не хочет, чтобы его вытеснили с его места в обществе, должен любить жизнь и стремиться к счастью вопреки всему. То, что в обществе называется добродетелью, представляет собою искусство удовлетворять свои желания, не задевая открыто других и не навлекая на себя их опасную враждебность"[15]. Но героями здесь оказываются все же не такие люди, а образцы "более строгих душ", "размышляющих умов", которые "не могут жить только для самих себя", стремятся действовать "на благо обычным людям" - Жак и Сильвия[16]. В романе Чернышевского можно без труда уловить отголоски подобных мотивов, но осмысляются они совсем по-иному, полемически к трактовке Санд.

Но все же, пожалуй, в первую очередь полемика в "Что делать?" ведется с тургеневскими "Отцами и детьми". Чернышевский как бы обращается к Тургеневу со словами: вы, судя по Базарову, плохо знаете "новых людей", а я их хорошо знаю и покажу, какие они на самом деле. И он был во многом прав. Он

действительно хорошо знал "новых людей" и сумел очень правдиво отразить в романе многие их особенности. Произведение Чернышевского оказало существенное воздействие на революционно-демократическую молодежь 1860-х годов, на последующие поколения. Почитатели Чернышевского строили нередко по роману свою жизнь, свою мораль, семейные отношения.

Но была в "Что делать?" и некоторая прямолинейность, схематичность, теоретическая абстрактность изображения, оторванность от земли, некоторая "железобетонность" персонажей, упрощенность решений. Остановимся на одном примере, на рассказе о встрече Лопухова с неким "осанистым", с "вашим превосходительством", с "тузом" со "звездой", т.е. с генералом или действительным статским советником[17]. Не исключено, что эта сцена сознательно ориентирована Чернышевским на аналогичную сцену встречи Акакия Акакиевича со "значительным лицом" в гоголевской "Шинели". Все симпатии автора романа в этой сцене на стороне Лопухова, который ведет себя так, как должны поступать "новые люди", в отличие от "маленького" и "лишнего" человека. Знаменательно, что в рассказанном эпизоде, как и в эпизоде с Кирсановым, приводимым здесь же, раскрывается, по Чернышевскому, сущность "нового человека": "Какой человек был Лопухов?"[18]. Как известно, "туз" посрамлен: Лопухов укладывает его в канаву, а затем еще иронизирует по поводу его падения. Столкновение же произошло из-за того, что "осанистый" не привык перед кем-либо сторониться, но и у Лопухова "было в то время правило: кроме женщин, ни перед кем первый не сторонюсь"[19]. Так, по мнению Чернышевского, и должен себя вести "новый человек". Не случайно рядом приводится аналогичный рассказ из жизни Кирсанова: история с дамой с титулом "очень хорошим", у которой "тузы бывали на посылках" и ее сыном Nicolas.[20] Возникает каверзный вопрос: что бы случилось, если бы на одной дороге встретились два незнакомых человека типа Лопухова?

Не следует, конечно, предполагать, что Чернышевский мог бы напоминать в реальном подобном столкновении своего персонажа. В романе "Что делать?" Чернышевский вообще нередко наделяет героев теми качествами, которые кажутся ему важными, привлекательными, но которыми сам автор не обладает. Это своего рода мечта, "идиллия", некая романтизация реальности. Поэтому все "новые люди" наделяются незаурядной физической силой (и Лопухов, и Кирсанов очень сильны, не говоря уже о Рахметове). До крайности идеализируется Вера Павловна, образ

которой, видимо, в значительное степени ориентирован на сильно приукрашенный облик жены Чернышевского, Ольги Сократовны: "Мама мне говорила, что в лице Веры Павловны Чернышевский хотел изобразить Ольгу Сократовну, которую он страшно идеализировал"[21]. Вся семейная гармония четы Лопуховых, а затем четы Кирсановых проецируется отчасти на семейный быт Чернышевских, но далеко не тождественный тому, что было на самом деле. Описания доходят до сентиментальности, слащавости, когда, например, описывается как Вера Павловна нежится в своей постельке, пьет кофе, принимает ванну. Здесь, следует, правда учитывать и то, что сцены семейного счастья должны были казаться особенно лучезарными узнику Петропавловской крепости, и то, что своеобразное эпикурейство являлось непременной частью концепции "разумного эгоизма" (хотя сам Чернышевский, ее исповедовавший, отнюдь не был эпикурейцем).

В воспоминаниях В.Н. Шаганова рассказывается о комедии Чернышевского "Другим нельзя", написанной во время пребывания на каторге. Сопоставляя комедию с романом "Что делать?", Шаганов отмечает "слишком личный, интимный характер этой комедии"[22]. Думается, что подобную характеристику в какой-то степени можно отнести и к роману "Что делать?". Как уже говорилось, черты Ольги Сократовны проглядывают в образе Веры Павловны. Не исключено, что и в Лопухове отразились какие-то детали характера самого Чернышевского (как позднее, в "Прологе" в Волгине). К ним, как нам кажется, относится рассуждение Лопухова о разнице характеров его и Веры Павловны: он делит людей "на два главные отдела"; для одного "правило" - "жизнь с другими", второму же "нужно наоборот: в уединении им просторнее, чем в обществе других <...> Я принадлежу к людям необщительным, она - к общительным. Вот и вся тайна нашей истории"[23].

Назвав свое произведение словами "Что делать?", автор ставит после этих слов вопросительный знак. На самом деле роман Чернышевского не вопрос, а ответ. Название имеет такой смысл: вы спрашиваете: "что делать?", я отвечаю вам на ваш вопрос; и в отношении нового общественного устройства, и в отношении устройства семейного, если уж обстоятельства сложились так, как у Лопуховых и Кирсанова. В романе как бы даются рекомендации, как нужно поступать в тех или других случаях жизни. Чернышевский уверен, что, вооруженный своей теорией, он может дать такие рекомендации, и во многом был прав, считая так. Как и в "Антропологическом принципе в фи-

лософии", он руководствуется, предлагая их, этическими понятиями о добре, тождественном пользе. В романе этическая концепция Чернышевского облекается в форму теории "разумного эгоизма". Не останавливаясь подробно на сущности этой теории, отметим лишь, что она одновременно и противопоставляется морали "проницательного читателя", буржуазного обывателя-эгоиста, и сближается с нею. В конце третьей главы, беседуя с "проницательным читателем" перед его изгнанием, автор замечает, что новые люди тоже "хитрецы" и "эгоизм-то" в них "играет"; для своих целей "они хлопочут и придумывают всякие штуки не менее усердно, чем ты для своих целей, только цели-то у вас различные, потому и штуки придумываются неодинаковые тобою и ими: ты придумываешь дрянные, вредные для других, а они придумывают честные, полезные для других"[24]. Потенциально здесь сформулирована верная мысль об единстве целей и средств, но акцент все же делается на целях. Учитывая содержание всего романа, можно прийти к выводу о том, что Чернышевский слишком широко понимает рамки такого единства, очень свободно трактуя "полезность" средств, употребляемых для достижения благих целей.

Особенно отчетливо это высказано в черновой редакции романа. Здесь, например, Кирсанов, убеждая Катю Полозову в том, что ему можно верить, заявляет следующее: "Я не говорил вам, что я никогда не лгу, - я лгу, но только, когда лгать - благородно. Я тоже не скажу вам, что я не хитрю, - нет, я хитрю, но только когда это честно"[25]. Достоевский не мог знать приведенных слов Чернышевского о "благородной" и "неблагородной" лжи, но тенденции к подобным выводам он уловил и по опубликованному тексту "Что делать?".

Подробно на затронутом вопросе мы собираемся остановиться в другой статье. Пока же отметим, что Достоевский, прочитав "Что делать?", должен был увидеть в теории Чернышевского нечто родственное концепции буржуазного эгоизма, индивидуализма, аморальности. Другой вопрос: насколько был прав Достоевский в подобном сближении? Некоторые основания для его выводов все же имелись. Кстати, в таком же ключе воспринимали теорию нравственности Чернышевского не только его противники, но и многие сторонники, хотя оценка фактов в том или в другом случае давалась диаметрально противоположная. Не будем говорить о Нечаеве. Напомним лишь о деле Каракозова, совершившего покушение на Александра II как раз в 1866 г., когда писался и публиковался роман "Преступление и наказание".

Во время следствия по делу каракозовцев (оно велось также в 1866 г., приговор вынесен 24 сентября этого года), чрезвычайно часто упоминалось имя Чернышевского. Он был для участников кружка, во многом, идейным руководителем, идеалом революционера. Задача освобождения Чернышевского являлась для каракозовцев одной из основных; именно для ее осуществления планировались различные способы добычи денег. В приговоре говорилось, что освобождение Чернышевского нужно было, по мнению каракозовцев, "для руководства предполагавшеюся революцией и для издания журнала, так как роман этого преступника "Что делать?" имел на многих из подсудимых самое гибельное влияние, возбудив в них нелепые противообщественные идеи, и, наконец, предлагалось принять за правило, что цель оправдывает средства"[26].

Знаменательно, что выводы о влиянии романа Чернышевского и рассуждения о цели, оправдывающей средства, здесь слиты воедино. Подобное сближение действительно оказывалось возможным при знакомстве с материалами следствия. Все подсудимые постоянно говорят об авторитете Чернышевского, его теорий. И в то же время постоянно возникает вопрос о вседозволенности средств, о яде, ноже. Один собирается жениться на богатой купчихе, другой - отравить отца, чтобы добыть денег на революционное дело, на освобождение Чернышевского[27], получить сразу, как хочет и Раскольников, "весь капитал".

Чернышевский вовсе не утверждал, что "все средства хороши". Многие его "почитатели" доводили до крайне вольного толкования высказанные им мысли. Но некоторая снисходительность к средствам, употребляемым для достижения хороших целей, у него все-же ощущается. Акцент делается именно на целях.

Следует помнить, что концепции Чернышевского, при всем его влиянии на современность (мастерские, коммунны и т.п.), не выходили из сферы теоретической, что люди его типа, как правило. - жертвы, а не победители; они - мученики, пророки, свято убежденные в истинности своих воззрений, расплачивающиеся за эти воззрения собственной, а не чужой кровью. Героичность позиции Чернышевского не вызывает сомнений. Вся его жизнь, в том числе и создание романа, - своего рода подвижничество.

В решении "женского вопроса", как оно дается в романе "Что делать?", при всей абстрактности, прямолинейности, очень много гуманного, вызывающего глубокое сочувствие, вплоть до

грусти и умиления, особенно, если учитывать некоторую ориентированность материала на сферу личного. Идиллия большей частью смешна и одновременно трогательна.

Необходимо помнить и о том, что изображенная в "Что делать?" ситуация, предлагаемые из нее выходы не претендуют на типичность, являются все же исключениями (так уж сложились обстоятельства), и ситуация, и выходы - реакция на женское неравноправие, возникшая и в Европе, и в России, отразившаяся и в литературе, и в быту (Михайлов - Шелгуновы, Сеченов - Боковы и т.п.). Все это широко известно, об этом писалось тысячи раз. Содержание нашей статьи вовсе не является попыткой пересмотреть написанное. Мы хотели лишь обратить внимание на те стороны, которые определили полемичность "Преступления и наказания" по отношению к "Что делать?".

В романе Достоевского, по нашему убеждению, несомненно существует слой, полемически направленный против концепций "Что делать?". Речь идет и здесь, как и в тургеневских "Отцах и детях", о серьезной полемике, а не о карикатуре, не о пасквиле. Отголоски отношения Достоевского к Чернышевскому в период от 1863 по 1866 гг. (время между появлением "Что делать?" и "Преступления и наказания"), вызванные, видимо, и чтением романа Чернышевского, ощущались уже в "Зимних заметках о летних впечатлениях", в "Записках из подполья", в "Крокодиле". "Преступление и наказание" представляло в этом плане нечто новое, как бы развернутый ответ на вопрос: к чему можно прийти, следуя теории, сформулированной в "Что делать?".

Достоевский придавал большое значение роману Чернышевского, влиянию этого произведения на русское революционно-демократическое движение. В романе "Бесы" Степан Трофимович "изучает" "Что делать?", чтобы, готовясь к столкновению с "визжавшими", знать заранее их приемы и аргументы по самому их "катехизису"[28]. Знаменательно, что слово "катехизис" сближает роман Чернышевского с "Катехизисом революционера" - программным документом "нечаевцев". Достоевский вкладывает приведенную оценку "Что делать?" в уста рассказчика, от лица которого ведется повествование. Здесь же крайне резкая характеристика романа Чернышевского дается от лица Степана Трофимовича. Но высказывания самого Достоевского о "Что делать?", неосуществленное намерение писать о романе статью, сопоставляя его со "Взбаломученным морем" Писемского, упоминания, встречающиеся в переписке и т.п., позволяют утверж-

дать и то, что автор "Преступления и наказания" настроен далеко не примирительно к произведению Чернышевского, и то, что Достоевский не безразличен к роману "Что делать?", понимает его значение[29]. Такое понимание определяет и полемические мотивы "Преступления и наказания", отнюдь не сводившиеся к изображению Лебезятникова и его воззрений по "женскому вопросу".

Достоевский явно сближает Раскольникова с "молодым поколением", с оппозиционно настроенными слоями общества, делает его бунтарем, противником существующего порядка и в то же время связывает его с идеями буржуазного эгоизма, индивидуализма. И не следует, по Достоевскому, противопоставлять одно другому. Не случайно двойниками Раскольникова являются и Свидригайлов, и Лужин. Ориентация образа Раскольникова одновременно и на революционную молодежь, и на наполеоновский буржуазный индивидуализм, кажущаяся размытость границы между вроде бы совершенно различными явлениями у Достоевского вполне сознательны. Социализм и буржуазность, по Достоевскому, близки друг к другу: "Белоараповцы не замечают <...> что социализм только есть органический продукт западной жизни и всех противоречий ее. Учение белоараповцы принимают, а то, из чего произошло оно <...> отвергают. Ведь только на Западе, и только на одном Западе, могло оно явиться"[30].

Основанием для такого сближения, с точки зрения Достоевского, служит и то, что и в социализме, как и в любой западного толка буржуазности, в основе лежит "свой интерес"[31], ради достижения которого оправдываются любые средства; цели могут быть различными: в одном случае субъективно благородные и возвышенные, в другом - откровенно низменные и эгоистические.

Вновь вспоминается, как раз в 1864-1865 гг. "Молодая Россия", уже как некий символ, обобщенное наименование русского революционного движения: "А наша "Молодая Россия" <...> уже несколько лет <...> стремится всеми силами своими доказать..."[32]. Опять возникает мотив крови в связи с мыслями о "революционной партии": "нальет крови гораздо больше, чем стоит вся полученная выгода. (Впрочем, кровь у них дешева.)"[33]. Упоминается о замысле статьи, видимо, как-то сближающей действия Тьера и русских революционных демократов: "Статья о Тьере "Современника" - развить в статье образ действий Тьера и белоараповцев"[34]. Все приведенные раздумья усложняются размышлениями Достоевского о соотношении социализ-

ма и католической церкви. Развитие последней, с точки зрения Достоевского, воплотится "в иезуитизм и в социализм", в оправдание "всех средств", в привнесенный "в революцию иезуитизм"[35].

Большинство подобных рассуждений, в которых проблема целей и средств занимает очень важное место, в большей или меньшей степени ориентирована и на роман Чернышевского "Что делать?". Не случайно, именно после появления его, с 1863-1864 гг., резкость оценок Достоевским социализма, революционности на Западе и в России качественно возрастает. Конечно, нужно учитывать и другие причины: эволюцию воззрений Достоевского, определяемую отнюдь не только книгой Чернышевского, обострение полемики с революционными демократами, связанное с изданием журнала "Эпоха", раздумья, вызванные смертью жены и т.п. Но, при всем при том, впечатления, полученные непосредственно при чтении "Что делать?", несомненно играли чрезвычайно существенную роль. Думается, можно говорить о новом этапе отношения Достоевского к Чернышевскому.

В "Записной книжке" и "Записных тетрадях" за 1863-1865 годы упоминания о Чернышевском, его романе, прямые и косвенные, встречаются довольно часто[36]. Достоевский собирается писать статью о "Что делать?", о нигилистических романах, крайне резко оценивает их[37]. Здесь тоже не все сводится к роману "Что делать?", но имеется в виду и он. В какой-то степени и к Чернышевскому, хотя и не только к нему, относится и размышление Достоевского о людях, которые пытаются "заменить жизнь теориями": "Не мешает об этом подумать нашим теоретикам и белоараповцам. Тип этих чревовещателей Белой Арапии - это евнух Пушкина (которого они так не любят) в "Бахчисарайском фонтане""[38].

Как известно, проблематика "Преступления и наказания" связана во многом с вопросом о "праве на кровь". Именно к признанию такого права приходит Раскольников, рассуждая о "целях" и "средствах". Хотя роман "Что делать?" пронизан мыслью о революционном переустройстве общества, ничего подобного о "праве на кровь" в нем не говорится. Есть, правда, один эпизод, который мог привлечь внимание Достоевского[39]. Он связан с историей любви Кати Полозовой к Соловцову. Кирсанов здесь из лучших побуждений, дважды считает себя вправе вмешиваться в решение вопроса о человеческой жизни и смерти. Стараясь заслужить доверие Кати, он обещает дать ей, в случае нужды, "яд - прекрасный, убивающий быстро, без всяких

страданий"[40]. Позднее, чтобы сломить сопротивление Полозова, Кирсанов вновь говорит о яде, уверив консилиум, "что, по человеколюбию, следует прекратить страдания больной приемом морфия, от которого она уж не проснулась бы"[41].

Речь идет не о простом запугивании, которое в любом случае не могло привести к смертельному исходу. И когда на вопросы Полозова: "Неужели вы в самом деле дали бы ей смертельный прием? <...> И у вас достало бы духа?" Кирсанов холодно отвечает: "Еще бы! Разумеется <...> Еще бы на это не достало, - что ж бы я за тряпка был!", он не лжет[42]. И не случайно у Полозова возникает мысль, что Кирсанов говороит о смерти человека, "как повар о зарезанной курице"[43], всплывает в памяти забытое воспоминание о берейторе Захарченко, объезжающем жеребца, который "хорошо вытанцовывает под Захарченкой, только губы у "Громобоя" сильно порваны, в кровь"[44].

О серьезности намерений Кирсанова свидетельствуют и его размышления о том риске, на который он идет, решившись говорить о возможности отравления: "Надобно прибегнуть к радикальному средству. Оно рисковано <...> но при нем только риск, а без него верная гибель. И риск в нем вовсе не так велик <...> Из всей лотереи только один билет проигрышный. Нет никакой вероятности, чтобы вынулся он, но если вынется? Кто идет на риск, должен быть готов не моргнуть, если вынется проигрыш <...> Но вправе ли он подвергнуть ее риску? Конечно, да. Теперь на сто шансов только один, что она не погубит в этом деле своего здоровья, более половины шансов, что она погибнет быстро; а тут из тысячи шансов один будет против нее. Пусть же она рискует в лотерею, по-видимому, более страшную <...> но в сущности несравненно менее опасную <...> Поэтому и оставалось одно средство - убить или дать образумиться"[45].

Знаменательно, что в сознании Кирсанова возникает своего рода "арифметика", которую вообще любил Чернышевский. Его герой спокойно подсчитывает, какой процент "за", какой "против", и так как "за" перевешивает, он верит, что вправе распоряжаться жизнью Кати, правда учитывая и ее собственный выбор. Подсчеты Раскольникова в "Преступлении и наказании" тоже напоминают подобную "арифметику". Достоевский неоднократно говорил о ней и решительно отвергал ее, по мнению же Чернышевского, она оправдана и благотворна.

Характерно, что в этой сцене возникает и мотив игры, "лотереи", столь характерный для ситуаций буржуазно-индиви-

дуалистического мира, для героев наполеоновского типа, часто встречавшихся в произведениях Достоевского. Раскольников - один из них.

Такое отношение к "радикальным средствам" - не индивидуальная особенность Кирсанова, а типичная точка зрения "новых людей". Когда Полозов, слушая заверения Кирсанова, что тот, не колебаясь, дал бы яд Кате, говорит: "Вы страшный человек!", Кирсанов вспоминает Рахметова, как наиболее характерного представителя радикального типа: "Это значит, что вы еще не видывали страшных людей, - с снисходительной улыбкой отвечал Кирсанов, думая про себя: "показать бы тебе Рахметова""[46].

Роман "Что делать?", по мнению Достоевского, отчетливо отразил такое подчинение средств цели, по видимости благой, хорошей. Чернышевский считает, что ничего плохого при таком подчинении произойти не может, что и средства в данном случае оказываются совсем не плохими. Достоевский же видит опасность такого подчинения, даже в том случае, когда все оканчивается хорошо. История Раскольникова, в той степени, в какой она ориентирована на произведение Чернышевского, иллюстрирует возможность того, до какой черты можно дойти по пути, намеченном Чернышевским, будучи при этом добрым и честным, руководствуясь субъективно самыми благими побуждениями. Достоевский, доказывая свою мысль, иногда "перегибал палку" в другую сторону, но все же нельзя не признать, что роман Чернышевского давал основания для опасений автора "Преступления и наказания". Подробно на вопросе о подобных основаниях мы собираемся остановиться в следующей статье.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Эти три романа выделяли, сближая их и в то же время противопоставляя, критики самых различных направлений (см., например, статьи критика консервативно-почвеннического лагеря Н.Н. Страхова ""Отцы и дети" И.Тургенева", "Счастливые люди", "Нашая изящная словесность" и революционного демократа Д.И. Писарева "Базаров", "Реалисты"; "Мыслящий пролетариат", "Борьба за жизнь").

2 Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. - 2-е изд. - М., 1978. - Т. 5. - С. 279, 280) (далее: Тургенев). Вопрос "что делать?", в самых разных его формулировках,

неоднократно звучит и в других произведениях Тургенева о "лишнем человеке": "Гамлет Щигровского уезда", "Дневник лишнего человека", "Затишье", "Переписка" и др. Герой не может на него ответить. Вероятно, название романа Чернышевского "Что делать?" ориентировано на все эти произведения, а не только на слова Елены из романа "Новь": "Что делать в России?" (Тургенев. Т. 6. - С. 298).

3 Тургенев. Т. 6. - С. 241. См. также: с. 207.

4 Добролюбов Н.А. Собр. соч.: В 9 т. - М.; Л., 1961-1964.- Т. 6. - С. 119.

5 Там же. - С. 123.

6 Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. - М., 1939-1953. - Т. У. - С. 172. Далее сноски на это издание: Чернышевский.

7 См. мою статью "Борьба в 1862-1863 гг. вокруг романа Тургенева "Отцы и дети"" // Уч. зап. Тарт. ун-та. - 1963. - Вып. 139.

8 Тургенев. Т. 7. - С. 173.

9 Там же. - С. 87.

10 Чернышевский. Т. I. - С. 265.

11 Там же. - С. 276.

12 Там же. - С. 233.

13 Чернышевский Н.Г. Что делать? - Л., 1975. - С. 579. Черновая редакция. Далее: Что делать?

14 Там же.

15 Санд Ж. Собр. соч.: В 9 т. - Л., 1971. - Т. 3. - С. 285.

16 Там же.

17 Что делать? С. 147, 512, 797.

18 Там же. - С. 147.

19 Там же. Литературу по теме "Зонд и Чернышевский" см.: "Что делать?" - С. 839.

20 Там же. - С. 147-148, 512.

21 Там же. - С. 836, 825.

22 Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников: В 2 т. - Саратов, 1958-1959. - Т.П. - С. 124.

23 Что делать? С. 235.

24 Там же. - С. 230.

25 Там же. - С. 683.

26 Покушение Каракозова. - Т. П. - М.; Л., 1930. - С. 345-346.

27 Там же. С. 79, 124. 133, 142, 207 и др. Об этом идет речь и в моей статье "Достоевский и Чернышевский. Весна 1862 года" (в печати).

28 Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. - Л., 1972 - Т.10. - С. 238. Далее: Достоевский.

29 Там же. - Т. 20. - С. 105, 193, 196, 199, 205. Т. 28. - Кн. П. - С. 57.

30 Там же. - Т. 20. - С. 180.

31 Там же. - С. 187.

32 Там же. - С. 192.

33 Там же. - С. 175.

34 Там же. - С. 196. Тьер уже с 1840-х гг. воспринимался в русской демократической журналистике как символ буржуазного индивидуализма, аморализма. См., например, рецензию Белинского на книгу Т. "История Консульства и Империи" (Белинский В.Г. Полн. собр. соч. - М., 1955. - Т. IX. - С. 313-316). У Достоевского, видимо, идет речь об обзоре Э.К. Ватсона "Политика" (Современник. - 1865. - № 5. - П. - С. 79).

35 Там же. - С. 189, 190.

36 Там же. - С. 196, 193, 199, 205.

37 Там же. - С. 196, 202, 203.

38 Там же. - С. 196-197.

39 На этот эпизод обратила внимание в своей дипломной работе студентка Тартуского университета И.С. Царева.

40 Что делать? - С. 301.

41 Там же. - С. 308.

42 Там же. - С. 309.

43 Там же.

44 Там же.

45 Там же. - С. 307-308.

46 Там же. - С. 309.